

*Посвящается тем, кого принудили стать
«женщинами для утешения»*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Меня зовут Анна, и мое имя одинаково читается как справа налево, так и слева направо. Когда мама еще была жива, она обычно говорила, если я вдруг начинала капризничать: «О, к нам сегодня пожаловала Анна-наоборот! Скорее бы вернулась правильная Анна». Я часто ставила заглавную «А» в конце имени, а когда мне говорили, что оно написано задом наперед, гордо отвечала: «Вот и нет: это палиндром».

Раз мое имя можно было вот так переворачивать, то и всех окружающих мне нравилось называть «задом наперед». Мама была Незюс, а папа Теннек, хоть остальные и знали его как Кена. Собаку мою звали Иднэс, а все мы были семья Нослрак. Чтобы понять, как произнести имя задом наперед, мне приходилось сначала написать его на бумажке, а вот папа умел переворачивать любые слова в уме. Просто потрясаяще: какое имя ему ни назови, он сразу же скажет его задом наперед. Даже если имя сложное — ну, например, тетя Элизабет. Отец говорил: «Тебазилэ ятет», не задумываясь ни на секунду.

Я родилась двадцать лет назад в Корее. Теннек и Незюс удочерили меня, когда мне было пять месяцев. Никаких других родителей я не знала, но мне вечно кто-нибудь напоминал, что я им не родная. Нет,

я, конечно, на них не похожа: ни маминых волнистых каштановых волос, ни папиных светлых глаз. И характером я тоже оказалась не в них: мама пылкая и импульсивная, отец настоящий суровый северянин, а я нечто среднее.

Иногда попадались люди, которые при виде нашей семьи — меня и моих белых родителей — задавали тупые вопросы или несли всякую чушь. Маму это ужасно расстраивало. Обычно она подобные реплики просто игнорировала, хотя потом жаловалась, какие люди бывают «бестактные и недалекие». Но однажды официант в ресторане ляпнул, мол, я настоящий «азиатский деликатес навынос», и она на него буквально набросилась. В лицо ему заявила, что он бестактный и недалекий. Мне так неудобно было. Он же ничего плохого не имел в виду, хотя фразочка у него вышла и правда тупая.

В детстве я особо не задумывалась над тем, что я приемная, и про свою родную мать тоже не думала. Обычно считается, что приемных детей тянет узнать побольше про биологических родителей: якобы мы стремимся таким образом понять, кто мы есть на самом деле. Как будто между детьми «навынос» и «домашними» существует огромная разница. На самом-то деле никакой особой разницы нет. Мои биологические родители — просто доноры моих генов. Настоящие родители — это те, кто меня вырастил, кто всегда находился рядом, когда я нуждалась в родительской поддержке; те, кому я нужна. До биологической матери мне никакого дела не было. У меня была чудесная жизнь: замечательные родители, учеба в чикагском Северо-Западном университете, Чед Дженкинс и его милая улыбка. А моя корейская мать существовала где-то за миллион километров

от меня — наверное, растила тех детей, которых решила оставить себе. Уж извините, но я тут ни при чем.

А потом мама умерла, и все изменилось. Папа был просто раздавлен. Мне пришлось бросить университет и вернуться домой. Папа хотел, чтобы я училась дальше, но я просто не видела в этом смысла. И не испытывала ни капельки энтузиазма. Я уже перешла на последний курс колледжа, но специализацию так и не выбрала, а мамина смерть совсем выбила меня из колеи. Впервые в жизни я почувствовала, что запуталась. Я боялась, что стану такой же, как многие мои знакомые, — буду работать на мелкой должности без особых перспектив и жить с родителями. Богатенькие студенты Северо-Западного называли таких лузерами.

И дома все стало совсем по-другому. Конечно, мы с папой очень горевали, но дело было не только в этом. Вся жизнь, можно сказать, превратилась в трагедию. Каждый день папа в одиночестве сидел в гостиной, выключив свет и задвинув шторы. Когда я возвращалась из магазина или с пробежки, он из темноты спрашивал, как у меня дела. Я прислонялась к кухонной двери, и мы немножко болтали о мелочах. Потом папа надевал фартук для барбекю, который мама как-то подарила ему на Рождество, и готовил ужин. Я поднималась вверх, проходила мимо спальни родителей, и частенько мне казалось, что мама там, за дверью, — причесывается или одевается, чтобы поехать в ресторан или в гости. Иногда мне даже чудился запах ее духов. Все это было ужасно странно, и я понимала: рано или поздно мне придется осознать, что матери у меня больше нет.

Хотя на самом деле она у меня была — жила где-то за миллион километров от меня и растила тех детей, которых решила оставить себе.

Приемные дети называют доноров своих генов биологическими родителями, а не настоящими, чтобы не получалось так, будто наши приемные родители ненастоящие. В детстве мне часто говорили, что моя биологическая мать приняла решение отдать меня на удочерение исключительно из любви ко мне. Обычно так и говорят: «приняла решение», а не «отдала ребенка», чтобы подчеркнуть: детей отдают из любви, принимают продуманное решение в их интересах.

Может, конечно, это и правда. Честно говоря, понятия не имею. Потому я и решила приехать в Корею и познакомиться со своей биологической матерью.

И вот я сижу в вестибюле приюта посреди Сеула и жду, когда она придет. Именно в этот приют меня принесли, когда мне было три дня. Это довольно убогий район Сеула — в первые десять дней нашей турпоездки нам такого не показывали. Здание приюта унылое и обшарпанное, краска на стенах невнятного серо-зеленого оттенка. Любой звук отдается эхом. Мебель разномастная и потрепанная, и даже запах внутри какой-то затхлый. Остальные члены нашей тургруппы — еще пятнадцать семей с корейскими приемными детьми — уже час как закончили встречи с биологическими родителями, и теперь им не терпится убраться из этого тоскливого заведения. Только у меня встреча еще не состоялась, так что все сидят и ждут меня.

Дочери Смитов, десятилетние близняшки Эльза и Элизабет, опять переели сладкого и носятся кругами по коридору. Миссис Даль сидит на скамейке рядом со своей тридцатилетней дочерью-корейкой. В сумке миссис Даль носит большую пачку бумажных платочков, потому что рыдает по любому поводу. Макс Клейн опять играет в какую-то дурацкую

игру на телефоне. Кто там еще остался? А, Кэтрин Остин — вон она сидит на стуле с высокой спинкой, чопорно сложив руки на плотно сдвинутых коленях. Ей лет двадцать, как мне, и она вечно напряжена, как натянутая струна. Ее бедные родители стоят за спинкой ее стула и явно не представляют, как вести себя с дочерью. И все участники группы косятся на меня, будто это я виновата, что они тут до сих пор сидят. Ну извините, я тоже не знаю, почему мы застряли в приюте. И вообще, я больше вашего хочу уже наконец закончить это дело.

На коленях у меня фотоальбом, который я сделала для своей биологической матери. Кучу времени на него потратила. В нем вся история моей жизни: с того дня, как меня привезли из Кореи и вся родня и друзья встречали меня у выхода 33 в красном зале аэропорта Миннеаполис-Сент-Пол, и до фотографии, где мы с мамой в больнице за день до ее смерти. Она там выглядит ужасно, но я не могла обойтись без этого снимка, ведь тогда я последний раз фотографировала маму. Я очень аккуратно вклеила каждую фотографию в альбом и добавила пояснения красивым почерком.

Вообще отлично получилось. Со всех точек зрения. Понимаете, если моя биологическая мать и правда приняла то самое решение из любви ко мне, то пусть увидит, что у меня все хорошо, что она правильно поступила. А если она меня отдала, не желая возиться со мной, то пусть поймет, что сваяла дурака. Рано или поздно я все-таки окончу колледж, может, даже в магистратуру пойду. Пусть биологическая мать увидит, что ее маленькая проблема выросла и прекрасно живет без нее. Ну ладно, с «прекрасно» я немножко преувеличиваю, но если я возьму себя в руки, то так

оно и будет. А ей вовсе необязательно знать, что я преувеличиваю.

Я сижу и жду, и у меня ноет в животе. Ужасно бесит, что остальные семьи на меня уставились. Папа говорит, надо пойти кого-нибудь спросить, в чем дело, почему так долго, но едва мы решаемся это сделать, как выходит американка-консультант по вопросам усыновления и приглашает нас пройти с ней. Улыбка у нее такая напряженная, что сразу ясно: что-то не так. Я беру свой альбом, и мы шагаем за консультантом в небольшую приемную. Освещение там барахлит. Мы садимся за шаткий стол.

Консультант встряхивает головой. Она больше не улыбается.

— Анна, — говорит она, — мне жаль, что приходится сообщать тебе такую новость, но ты не сможешь встретиться со своей биологической матерью. Понимаешь, она умерла.

Кажется, я целую вечность тупо смотрю на нее. Мне как-то не верится, что я правильно расслышала. Мне вообще не верится, что все это происходит со мной.

— Умерла? — переспрашиваю я.

Консультант кивает.

— Боюсь, что да. Мне очень жаль.

Я перевариваю эту новость еще несколько секунд, потом спрашиваю, как именно умерла моя биологическая мать. Консультант, крупная женщина с прямыми седыми волосами, сообщает мне, что мать умерла двадцать лет назад, при родах. Рожая меня. Просто отлично. Я спрашиваю про биологического отца.

Консультант открывает папку и копается в бумагах, которые там лежат. Потом находит нужную и говорит

мне, что моя биологическая мать не была замужем и в приюте не знают, кто отец. Я спрашиваю, есть ли у меня братья или сестры. Это тоже неизвестно.

— И, учитывая обстоятельства твоего удочерения, — говорит консультант, — выяснить не удастся.

Ну замечательно. В животе у меня уже не просто ноет — там внутри будто тяжелый камень. Я чувствую себя так же, как после смерти мамы: будто это я во всем виновата, но не знаю почему. Мне хочется на всех тут наорать — почему они ничего не знают про мою биологическую мать? Вместо этого я опускаю взгляд и провожу пальцем по названию «Моя жизнь», выведенному красивым почерком на обложке альбома.

— Как вообще такое могло произойти? — Папа пытается меня поддержать. — Почему нам не сообщили об этом заранее, до того, как мы сюда приехали?

— Мистер Карлсон, у них тут плохо с финансированием, — объясняет ему консультант. — В приюте мало сотрудников и нет возможности проверять всю информацию.

— Анна несколько месяцев ждала этой встречи, — говорит папа.

Консультант делает странное движение головой — то ли мотает ею, то ли кивает.

— Я понимаю. Мы сами только что выяснили. Мне очень жаль.

Папа смотрит на меня:

— Может, стоит побеседовать с директором приюта?

Мне просто хочется отсюда убраться, пока этот кошмар не обернулся полной катастрофой.

— Давай уйдем, — говорю я, хватаю фотоальбом и выскакиваю из приемной.

Я выхожу в вестибюль и иду к выходу. Меня замечают близнецы Смит. Они замирают на месте и смотрят на меня в упор. Миссис Даль вытягивает из сумки сразу несколько платочков. Макс отрывается от игры, Кэтрин поворачивается ко мне и окидывает изучающим взглядом. Все хотят знать, что случилось, почему с моей встречей получилась такая задержка и почему беседа длилась всего несколько минут. Я на них не смотрю. Это не их дело. Я прижимаю к груди альбом, потом понимаю: он выдает, что с биологической матерью я так и не встретилась. Заметив в углу мусорное ведро, я иду к нему. Но когда добираюсь до него, так и не нахожу в себе сил выбросить альбом. Слишком долго я над ним работала.

Я выхожу на улицу и окунаюсь в жаркий влажный сеульский воздух. Небо затянуто дымкой, которая светится, и от этого свечения больно глазам. Наш автобус стоит неподалеку, двигатель у него включен, и я чувствую сильный запах паров бензина. Я отворачиваюсь и закрываю глаза. Даже не верится, что все это происходит на самом деле. Полная катастрофа. Так глупо — зачем я вообще сюда приехала?

Наконец я снова разворачиваюсь к автобусу. И внезапно вижу, что прямо передо мной стоит старуха с густой седой косой. Она сует мне в руку сверток, наклоняется поближе и шепчет:

— Это тебе. Никому не показывай. Тебе обязательно нужно услышать мою историю и все узнать. Внутри есть адрес. Приходи одна.

Я смотрю на сверток, потом на старуху — она уже спешит прочь.

— Подождите! — кричу я. Она не останавливается и исчезает в здании приюта.

Я снова смотрю на сверток, который держу в руке. Он чуть больше бумажника по размеру, завернут в выцветшую коричневую ткань и перевязан бечевкой. Я уже собираюсь развязать его и тяну за один конец бечевки, но тут из приюта выходит папа. Он ищет меня. За ним выходят остальные и идут к автобусу. Они пытаются не слишком на меня пялиться, но получается у них так себе. Папа кладет руку мне на плечо и пытается ободряюще улыбнуться. Я сую сверток в сумку, и мы идем в автобус вслед за остальными.

Мы едем в гостиницу, а я все думаю про свою биологическую мать. Понимаете, я хотела с ней поговорить, установить контакт. Хотела увидеть, как я буду выглядеть через тридцать лет. Ну хотя бы на один свой вопрос ответ я получила. Никакого решения об удочерении не было — ни по любви, ни ради удобства. Нет, меня отдали на удочерение потому, что я убила свою биологическую мать. Очаровательно.

Я смотрю из окна на Сеул. Сейчас час пик, все спешат домой. Я гадаю, как сложилась бы моя жизнь, останься моя биологическая мать в живых. Я была бы одной из них — корейкой домашнего приготовления, а не азиатским деликатесом на вынос посреди Америки. Я говорила бы на их языке, слушала бы их музыку и думала бы как корейка.

Может, тогда я не была бы такой потерянной.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Автобус въезжает в шумный район Мёндон, где находится наша гостиница. Папа откинул голову на подголовник кресла и прикрыл глаза. Бедолага. Эта дурацкая ситуация ему тоже, наверное, дорого далась. С тех пор, как умерла мама, он все пытается меня поддерживать. Считает, что теперь должен быть мне и отцом, и матерью. Каждый день папа спрашивает, как у меня дела, и каждый день я отвечаю, что хорошо. Но кого я обманываю? Ведь я сама захотела поехать сюда, чтобы узнать, откуда я родом. Сама рвалась познакомиться с биологической матерью. Наверняка папу это задело, но он и словом не обмолвился.

И тут я вспоминаю про сверток, который дала мне та старуха. Никому не показывай, сказала она мне. Тебе обязательно нужно услышать мою историю, сказала она. Вот только дополнительной драмы мне и не хватало. Я лезу в сумку и достаю сверток, кручу его в руках, потом разворачиваю. Внутри бумажка, на которой изящным почерком написан адрес в Сеуле. Я разворачиваю еще один слой ткани и вижу гребень с инкрустацией в виде дракона.

Темно-зеленый черепаховый гребень размером с женскую ладонь, слегка изогнутый, с длинными зубцами. Дракон, похоже, выложен из крошечных